

ББК 63.3(2)522-414.12

А.Н. Худолеев

**Революционная теория П.Н. Ткачева
в оценках отечественных исследователей
послесталинского десятилетия**

A.N. Khudoleev

**The P.N. Tkachev's Revolutionary Theory
Estimated by Domestic Researchers
of Post-Stalin Decade**

Статья посвящена рассмотрению оценок революционной теории П.Н. Ткачева в советской историографии периода «оттепели». В ней анализируются различные точки зрения и подходы относительно ключевых положений теории Ткачева; выявляется их специфика относительно предыдущих этапов изучения.

Ключевые слова: революционное народничество, революционная теория, советская историография, советские историки, русский бланкизм, марксизм, большевизм, П.Н. Ткачев, марксистско-ленинская методология, «оттепель».

Имя Петра Никитича Ткачева неразрывно связано с историей русского революционного движения. Ткачев разработал и концептуально обосновал теорию, которая вошла в историю отечественной радикальной мысли под названием «русский бланкизм». Многие положения этой теории перешли в народовольчество, а затем стали стержнем тактики и стратегии ленинизма. Социально-политические взгляды Ткачева существенным образом отличались от революционно-народнической традиции. Он настаивал на захвате власти небольшой, но сплоченной и централизованной партией революционного меньшинства; отказывался от анархической концепции немедленного разрушения государства, считая, что преобразованное революционное государство можно использовать для построения нового социалистического общества; не верил в созидательные возможности народа, представляя его инертной слабообразованной массой, способной только разрушать, поэтому высокообразованное меньшинство должно заставить народ принять новый порядок ради его же, народа, блага, при этом меньшинство не должно гнущаться никакими методами и средствами ради достижения желаемой цели. Эти и другие черты «ткачевизма» хорошо видны в революционной теории В.И. Ленина. На это неоднократно обращали внимание его современники, в частности Г.В. Плеханов, А.С. Мартынов, П.Н. Милоков и др. [1].

«Русский бланкизм» в отечественной историографии исследован мало. Ближе всех к осмыслению

The article considers the estimations of the P.N. Tkachev's revolutionary theory in the Soviet historiography at the period of «ottepel». It analyzes the various points of view and approaches to key positions of the Tkachev's theory, reveals their specificity concerning the previous stages of studying.

Key words: revolutionary narodnichestvo, revolutionary theory, soviet historiography, soviet historians, Russian blankizm, Marxism, bolshevism, P.N. Tkachev, marksistsko-leninskaya methodology, «ottepel».

феномена бланкизма в России подошел известный отечественный специалист по истории русского революционного движения Борис Павлович Козьмин. Он подготовил в черновом варианте «Историю бланкизма в России», но доработать и опубликовать ее не успел. После смерти Б.П. Козьмина проблема бланкизма в русской революционной традиции оказалась на обочине исторических исследований. Между тем на заре становления советской исторической науки теоретическое наследие П.Н. Ткачева оживленно обсуждалось исследователями революционного движения (в качестве примера можно назвать дискуссии о «русских яacobинцах» и «Народной воле»). Некоторые авторы делали довольно смелые выводы. Так, С.И. Мицкевич был убежден, что Октябрьская революция в значительной степени произошла «по Ткачеву» [2, с. 16]. Его поддерживали Б.П. Козьмин, Б.И. Горев и до определенного времени М.Н. Покровский, который утверждал, что со страниц работ Ткачева «на нас глядит тот же большевизм» [3]. Однако идеологическая заостренность и политическая неудобность проблемы привели к вмешательству в ход полемики партийных органов с целью одернуть историков, не в меру увлекшихся сравнительным анализом и вышедших «за рамки приличия». Важным шагом в этом направлении стало письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», где недвусмысленно заявлялось, что «нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о большевизме» [4, с. 3].

В итоге, в середине 1930-х гг. отношение к народничеству выразилось в постулате «марксизм вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т.п.), как злейшим врагом марксизма» [5], закрепленным в «Кратком курсе» истории ВКП(б). Это означало недопустимость каких-либо дискуссий по данному вопросу, и на ближайшие 20 лет народническая тематика стала запретной для советских историков.

Только во второй половине 1950-х гг. народничество возвращается на страницы научных изданий. Несомненно, этому способствовала обстановка «оттепели», существенным образом повлиявшая на развитие исторической науки. С большими трудностями, но шел процесс отказа от догм «Краткого курса», началась активная разработка документальных массивов, появилось желание самостоятельно изучать, а не подтверждать уже готовые «истины», выраженные в канонических цитатах. Стимулом для развития научной мысли вновь стали дискуссии по разнообразным проблемам «в атмосфере товарищеского научного спора», без приклеивания ярлыков и расправы за инакомыслие [6, с. 11]. Но несмотря на серьезные изменения, были моменты, которые снижали уровень объективности исторических исследований. Научные труды и дискуссии не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии, а также отрицательным оставалось отношение к отечественной дореволюционной и западной историографии. Это, с одной стороны, разрывало связь времен, нарушало последовательность историографической традиции, а, с другой – консервировало советскую историческую науку, выбрасывало ее на обочину общего процесса развития науки. Большинство историков работали по принципу «добычи изюма из булки – наковырял факты, выстроил по ранжиру в рамках заданной схемы и таким образом обосновал “истину”» [7, с. 110].

Волна «оттепели» вынесла на берег новое поколение советских историков, для которых «период 20–30-х годов уже не был окрашен собственным опытом» [8, с. 57]. Многие из них были участниками боевых действий и сохраняли свойственные фронтовикам прямоту и независимость суждений. Отличительной чертой послевоенного поколения было желание самостоятельно познать, а не пересказывать кем-то установленные догмы. В то же время, как отмечалось выше, оно росло и воспитывалось в условиях отсутствия методологического плюрализма, когда со студенческой скамьи вырабатывался навык идти от установленной схемы исторического процесса, подтверждая ее фактами, искусно подобранными составителями документальных публикаций. Это наложило существенный отпечаток на ход и характер обсуждения научных проблем в указанный период.

В немалой степени возрождению интереса к народничеству способствовало начало публикации

5-го издания собрания сочинений В.И. Ленина. В него были включены работы, не вошедшие в предыдущее 4-е издание. Обстановка «оттепели» послужила хорошим подспорьем для нового прочтения ленинских оценок народничества, которые были определяющими для советских историков. Они легли в основу бурной полемики о сути и значении народнического этапа русского революционного движения, развернувшейся во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Уделялось в ней внимание и революционной теории Ткачева.

Примером тому, насколько крепкой и живучей оставалась концепция «Краткого курса», служит статья В.А. Фоминой. По мнению автора, суть революционной деятельности Ткачева – борьба против марксистского учения о государстве. Его мировоззренческое кредо характеризовалось как субъективно-идеалистическое и волюнтаристское. На взгляд В.А. Фоминой, Ткачев «извратил материалистическое учение К. Маркса, став на позиции вульгарно-экономического материализма» [9, с. 407]. Обвинения Ткачева в волюнтаризме часто звучали затем из уст исследователей, касавшихся проблемы восприятия русским народником учения Карла Маркса. На этом основании делались умозаключения, что Ткачев марксизма не понял, искажал и «извращал» его. На наш взгляд, такая позиция является ошибочной. Волюнтаризм как система навязывания своей воли кому-либо свойствен радикальному мирозерцанию. Волюнтаризм, выраженный в понятии «диктатура», – неотъемлемая часть революционной идеологии. И не столь уж существенно, есть ли это навязывание воли большинства меньшинству, как у Маркса, или воли меньшинства большинству, как у Ткачева. Тенденция к волюнтаризму не отталкивала, а, наоборот, сближала Ткачева с Марксом. В частности, немецкий социал-демократ Карл Каутский не соглашался с теми критиками марксизма, которые не видели в нем волевого начала. По его мнению, «Маркс никогда не отрицал значение воли и огромной роли человеческой личности для общества, он отрицал только свободу воли, что совсем не одно и то же» [10, с. 49].

Поверхностное и субъективное отношение к теоретическому наследию Ткачева, продемонстрированное В.А. Фоминой, нашло отклик в работе А.Л. Реуэля. Рассматривая экономические взгляды Ткачева, автор в основном повторил положения своей статьи, опубликованной в 1938 г. [11]. Он по-прежнему видел в русском бланкисте мыслителя, постоянно извращавшего марксизм, идеи которого интересны только в свете борьбы основоположников марксизма с народничеством. Разбирая «мелкобуржуазную идеологию» народника Ткачева, А.Л. Реуэль пишет, что Петр Никитич «имеет неправильные представления о путях революционной деятельности» [12, с. 153]. В качестве примера «неправильного» представления

А.Л. Реуэль приводит тот факт, что Ткачев не понимал того, что капитализм создает материальные условия, без которых социалистическая революция немыслима, поэтому он настаивал на немедленном заговоре революционного меньшинства, выдвигая экономическую отсталость России в роли союзника революции. Но этим А.Л. Реуэль, похоже, сам того не сознавая, демонстрирует несостоятельность критики Ткачева, так как приведенный им пример является той основой, от которой исходил Ленин, конструируя свою модель социалистической революции.

Точку зрения А.Л. Реуэля поддержал И.И. Черный. Отталкиваясь от методологического положения, что «народничество было врагом марксизма по своей идеологии и методам борьбы, основным тормозом распространения идей научного социализма в России», автор причислил Ткачева к врагам теории научного коммунизма [13, с. 341]. На этом фоне мысль о том, что Ткачев, несмотря на «вульгаризаторскую» сущность своей теории, стремился дать материалистическое и классовое объяснение общественных и литературных явлений, была значительным шагом вперед [14, с. 253]. Таким образом, первые усилия исследователей периода «оттепели» были сосредоточены на выявлении степени влияния на Ткачева учения Маркса, проблемы, имеющей свои истоки в 1920-х гг., когда М.Н. Покровский на основании активной пропаганды русским народником метода экономического детерминизма назвал Ткачева «первым русским марксистом» [15, с. 62].

Затем объектом внимания стали другие аспекты социально-политических взглядов Ткачева. Так, Ю.З. Полевой, в духе традиции 1930-х гг., без приведения весомых доводов отождествил позиции эстатаиста Ткачева и анархиста М.А. Бакунина, не усматривая между ними серьезных идейных расхождений [16, с. 33, 44]. В отличие от Ю.З. Полевого, Н.К. Каратаев справедливо подчеркнул кардинальные различия в постановке вопроса о революции и ее движущих силах между Ткачевым и Бакуниным. Концепция Ткачева была противоположна бакунизму и являлась примером наиболее яркого для 1870-х гг. выражения критики анархической системы взглядов [17, с. 32]. К тому же, по мнению автора, Ткачев продвинулся вперед не только по сравнению с Бакуниным, но и с П.Л. Лавровым, так как первым в народнической среде выдвинул идеи захвата политической власти для устройства социалистического общества и использования в целях революции института государства.

Наряду с общими работами по истории революционного народничества во второй половине 1950-х гг. появляются специальные исследования, в которых рассматривались те или иные моменты революционной теории Ткачева. В частности, В.И. Моренец обратился к специфике взглядов Петра Никитича на крестьянскую общину. Он отметил, что в отличие от

большинства представителей народнического лагеря, Ткачев сомневался в твердости и устойчивости общины перед надвигающимся капитализмом и допускал возможность ее эволюции в сторону индивидуализма. Ткачев не идеализировал общину, но с другой стороны, видел в ней фундамент коммунистического строя, поскольку не понимал диалектики экономических отношений, что только развитие капитализма и пролетариата создают условия для достижения социализма [18, с. 55–56].

Гораздо проще поступил Б.А. Трубецкой. Не утруждая себя вдумчивым анализом произведений Ткачева, он пришел к выводу, что русский бланкист «чисто по-народнически» пренебрежительно относился к народу и подходил к делу революционной борьбы «с анархических, авантюристических позиций» [19, с. 32]. Мировоззрение Ткачева характеризовалось автором как «вульгарно-материалистическое» и «субъективно-идеалистическое».

Более взвешенный подход к теоретическому наследию Ткачева продемонстрировал Д.М. Лекаренко. Ученый справедливо указывал на то, что Петр Никитич никогда не был врагом марксизма и тем более «злейшим», не вел борьбы ни против Маркса, ни против марксизма в целом. Наоборот, он признавал марксистское учение и считал его пригодным для Западной Европы, но не приемлемым для России. Для доказательства этого Д.М. Лекаренко приводил тот факт, что К. Маркс и Ф. Энгельс давали в общем положительную оценку деятельности западноевропейских бланкистов, а Ткачев как раз считал себя учеником французского революционера XIX в. Огюста Бланки [20, с. 10].

Мнение о том, что «ткачевизм» не был враждебен марксизму, поддержала А.М. Станиславская. Она подчеркнула, что Ткачев всегда с большим уважением отзывался о Марксе и нередко пытался использовать в своих работах положения марксистской экономической теории. А.М. Станиславская согласилась также с мыслью В.И. Моренеца о том, что Ткачев нетипично для народника выступал против теории исключительности и своеобразия русской общины. Оспаривая дилетантско-нигилистическую позицию Б.А. Трубецкого и согласных с ним, автор отметила, что ткачевская концепция захвата власти силами революционного меньшинства контрастировала с общенародническими представлениями о роли народа в революции [21, с. 183, 194].

Таким образом, несмотря на известные идеологические и политические изменения в стране, на изучение революционной теории Ткачева в отечественной историографии второй половины 1950-х гг. во многом еще воздействовали положения «Краткого курса». Как правило, концепция Ткачева не являлась предметом специального анализа и, за редким исключением, по-прежнему трактовалась как малозначительная,

полуанархическая и враждебная марксизму. Лишь небольшое число авторов пыталось обратить внимание на оригинальность революционной теории Ткачева, ее антианархический характер и положительное, но в то же время разборчивое и вдумчивое отношение к учению Маркса.

В начале 1960-х гг. изучение революционной теории Ткачева проходило под непосредственным влиянием диспута о народничестве. Однако, кроме общего интереса к Ткачеву как представителю народнического лагеря, внимание к его взглядам в очередной раз было обусловлено идеологическими причинами. В послевоенный период в англо-американской историографии распространилась и закрепились точка зрения, что именно Ткачев являлся предтечей и духовным отцом большевизма. Особенно активно эту позицию отстаивали представители Русского исследовательского центра, функционировавшего с начала 1948 г. при Гарвардском университете. Поэтому первостепенная задача официальной советской историографии состояла в том, чтобы дать «достойный» отпор «лживым» измышлениям буржуазных историков [22].

Так, по мнению В.Н. Бурлак, Ткачев был представителем демократического капитализма, «борющегося против капитализма либерально-помещичьего» [23, с. 13]. Основной акцент В.Н. Бурлак сделала на восприятии Ткачевым идей Маркса. На взгляд автора, несмотря на то, что идеи Маркса оказали благотворное влияние на Ткачева, он был далек от марксизма. Русский бланкист проповедовал субъективный метод в социологии, не усвоил исторического материализма и занимался утилитарным «извращением» учения Маркса. В итоге В.Н. Бурлак пришла к выводу, что Ткачев – мелкобуржуазный социалист, эклектик, придерживавшийся реакционных для пролетарско-социалистической идеологии взглядов. В отличие от нее, Н.К. Каратаев и М.Н. Рындина справедливо подчеркнули, что большинство революционных народников не занимало антимарксистской позиции. Наоборот, «наблюдалась даже попытка со стороны революционеров сблизиться с К. Марксом, сочетать марксистские идеи с народничеством» [24, с. 328]. Особое внимание авторы обратили на критику Ткачевым анархических взглядов Бакунина. По их убеждению, «ткачевизм» стоял намного выше бакунизма, так как сделал шаг вперед по вопросу о государстве, о необходимости захвата государственной власти для революционных преобразований. В этом заключалась его положительная сторона. Однако далее, по традиции, следовал длинный перечень того, что Ткачев не понял, не учел и не разглядел.

Похожей точки зрения относительно восприятия Ткачевым марксизма придерживались А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров. Они отмечали бесспорность влияния на мировоззрение Ткачева идей Маркса,

но оговаривались, что марксизма Ткачев до конца не понял, так как не делал ставки на пролетарское движение. В целом авторы не видели ничего оригинального в воззрениях Ткачева, поскольку они строились «на общих всему народничеству теоретических основаниях» [25, с. 431]. В.А. Малинин и М.И. Сидоров к положительным сторонам в революционной теории Ткачева отнесли призыв к борьбе с русским самодержавием, критику бакунизма, признание факта развития капитализма и трезвый взгляд на русскую общину. К отрицательным – субъективный идеализм, непонимание диалектики исторического развития и отдаленность от марксизма «как небо от земли» [26, с. 213–214].

Обстоятельный разбор доктрины Ткачева предпринял Г.П. Булатов. Он заметил, что Ткачев знал сочинения Маркса и Энгельса. Это положительно сказалось на его отдельных работах и высказываниях. Однако марксистом Ткачев не стал, потому что в целом его система взглядов оставалась далекой от марксизма. Для Г.П. Булатова Ткачев – типичный представитель мелкобуржуазного утопического социализма, образчик во многом примитивного решения, что не отрицало некоторых «прозрений», сложных общественных вопросов. Автор, отмечая специфику политического учения Ткачева, все же оговаривался, что «утопии Ткачева... аналогичны утопиям и иллюзиям, свойственным народничеству вообще» [27, с. 218]. Основным недостатком политической программы «ткачевизма», по Г.П. Булатову, являлось отсутствие в ней указания на пролетариат как на основную движущую силу социалистической революции. Это произошло потому, что Ткачев не понимал исторической роли пролетариата.

Последний тезис выглядит нарочито притянутым. Откуда Ткачев мог в 1870-е гг. разглядеть революционный потенциал и силу русского пролетариата, если его тогда еще не было?! Нельзя же было называть «пролетариями» массу маргинализованных крестьян, разорвавшихся и уходивших на сезонные работы в город или перебивавшихся там случайными заработками. Об этом и о желании большевиков выдать маргинализованные массы за настоящий пролетариат иронически писал в начале XX в. польский социал-демократ Вацлав Махайский (литературный псевдоним. – А. Вольский): «Не мешало бы Тулину (один из литературных псевдонимов Ленина. – А.Х.) ближе рассмотреть положение превращающихся в “вольных, как птица”, пролетариев; тем более, что они чаще всего становятся таковыми в виде босяков и люмпен-пролетариев, которых Тулин, как марксист, несомненно, недолюбливает... действительно, слишком мало в России “вольных, как птица” пролетариев, до того мало, что многим русским идеологам совсем нет возможности заметить их существование» [28, с. 233].

В свою очередь, В.А. Твардовская отметила незначительность влияния идей Ткачева в России и ненаучность его представлений о государстве. Исследовательница назвала Петра Никитича «непосредственным идейным предшественником народовольцев», хотя и с оговоркой, что «говоря об идеях Ткачева у “Народной воли”, мы имеем в виду их сходство, явившееся результатом общих закономерностей развития народнической идеологии, а не простое заимствование или влияние» [29, с. 160, 165]. В том же духе высказался С.С. Волк. По его мнению, с торжеством народовольчества идеи Ткачева «как бы получили признание в революционном движении», но их близость определялась «не столько прямым заимствованием, сколько стихийно возникшим сходством взглядов идеологов народничества в условиях определенной ситуации» [30, с. 414, 417].

Таким образом, изучение революционной теории П.Н. Ткачева в период «оттепели» оставалось односторонним и поверхностным. Как справедливо указывал Б.М. Шахматов, за редким исключением, все, что было написано о Ткачеве на рубеже 1950–1960-х гг., содержало «повторение определенных мнений, почерпнутых из более ранних источников» [31, с. 101]. В ходу были штампы и ярлыки вроде «волюнтарист», «субъективист», «авантюрист» и т.п., что не предусматривало действительно научного подхода. Лишь немногие авторы стремились подойти к революционной теории Ткачева с более-менее взвешенной позиции. Однако, в отличие от 1920-х гг., вопрос о Ткачеве и народовольцах как о предтечах большевизма не поднимался. Постулат о том, что марксизм в России вырос и окреп в борьбе с народничеством оставался аксиомой и сомнению не подлежал.

Библиографический список

1. Худолеев А.Н. Некоторые проблемы бланкистских традиций в России: к вопросу об идейных корнях ленинизма // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №318.
2. Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. – 1923. – №6–7.
3. Покровский М.Н. Корни большевизма в русской почве // Правда. – 1923. – 14 марта.
4. Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма (Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция») // Пролетарская революция. – 1931. – №6.
5. О пропагандистской работе в ближайшее время: Постановление Центрального Комитета ВКП (б) // Правда. – 1935. – 14 июня.
6. О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. – 1953. – №6.
7. Дьяков Ю.Л. Историческая наука и власть (советский период). – Тула, 2008.
8. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М., 1997.
9. Фомина В.А. Философские и общественно-политические взгляды революционных народников (60–70-е гг. XIX в.) // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. – М., 1956. – Т. 2.
10. Каутский К. Путь к власти: Политические очерки о вращении в революцию; Славяне и революция / пер. с нем. – 2-е изд. – М., 2006.
11. Реуэль А.Л. Экономические взгляды Ткачева // Проблемы экономики. – 1938. – №4.
12. Реуэль А.Л. Русская экономическая мысль 60–70-х гг. XIX в. и марксизм. – М., 1956.
13. Черный И.И. Критика Марксом и Энгельсом антинаучных теорий русского народничества // Сборник научных работ кафедр общественных наук вузов Харькова. – Харьков, 1957. – Вып. 2.
14. Шишкина А.Н. Благосветлов, Зайцев, Ткачев (критическая деятельность журналов «Русское слово» и «Дело» // История русской критики. – М.; Л., 1958. – Т. 2.
15. Покровский М.Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв.: лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимой 1923–24 гг. – М., 1924.
16. Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. 1883–1894 гг. – М., 1959.
17. Каратаев Н.К. Народническая литература 60–90-х гг. XIX в. // Народническая экономическая литература. – М., 1958.
18. Моренец В.И. Взгляды П.Н. Ткачева на русскую общину // Вестник Киевского государственного университета. – 1958. – №1. – Серия экономики и права. – Вып. 2.
19. Трубецкой Б.А. Эстетические взгляды П.Н. Ткачева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. – 1959. – Т. 37.
20. Лекаренко Д.М. Из предистории русской революционной социал-демократии (к вопросу о роли и месте революционного народничества в освободительной борьбе русского народа) // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. – 1959. – Т. 14.
21. Станиславская А.М. Народническая историография 70–90-х гг. // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1960. – Т. 2.
22. Игрицкий Ю.И., Плимак Е.Г. Питомник клеветников (Русский исследовательский центр в Гарварде) // История СССР. – 1961. – №5.
23. Бурлак В.Н. Из истории проникновения марксизма в Россию в разночинский период освободительного движения. – М., 1961.
24. Каратаев Н.К., Рындина М.Н. История экономических учений (от возникновения марксизма до Великой Октябрьской революции). – М., 1961.
25. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. – М., 1961.
26. Малинин В.А., Сидоров М.И. Предшественники научного социализма в России. – М., 1963.
27. Булатов Г.П. Общественно-экономические взгляды П.Л. Лаврова и П.Н. Ткачева // Сборник трудов Ставро-

польского государственного педагогического института. – Ставрополь, 1963. – Вып. 21.

28. Вольский А. Умственный рабочий. – Нью-Йорк, 1968.

29. Твардовская В.А. Проблема государства в идеологии народолюбства (1879–1883 гг.) // Исторические записки. – М., 1963. – Т. 74.

30. Волк С.С. Программные документы «Народной воли» (1879–1882) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М., 1963.

31. Шахматов Б.М. К изучению творчества П.Н. Ткачева // Сборник студенческих научных работ (экономического, историко-филологического, юридического, философского и восточного факультетов). – Л., 1963.